

ЖУРНАЛЪ
МИНИСТЕРСТВА
НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

ШЕСТОЕ ДЕСЯТИЛѢТІЕ.

ЧАСТЬ ССХХІІ.

1884.

АПРѢЛЬ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Средняя Подъячская, № 1.

1884.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫЯ РАСПОРЯЖЕНІЯ.	33
В. В. Вобининъ. Состояніе математическихъ знаній въ Россіи до XVI вѣка	183
Н. В. Будряицевъ. Русская Лапландія. III—IV (окончаніе)	210
Н. М. Влгговѣщенскій. Третья сатира Ювенала.	242

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

О. И. Успенскій. Императоръ Василій Болгаробойца. Извлеченія изъ Язы Антіохійскаго. Барона В. Р. Розена. С.-Пб. 1883.	284
А. М. Позднѣвъ. Третье путешествіе по центральной Азіи. Н. М. Пржевальскаго. С.-Пб. 1883.	316
Н. И. Петровъ. Русскій проповѣдникъ XVII вѣка. Г. Яковлева. С.-Пб. 1883—Перодіакомъ Дамаскинъ. Его же. С.-Пб. 1883.	350
Б. Я. Гротъ. Историческій институтъ при Вѣнскомъ университетѣ	83
Г. А. Л—скій. Въ вопросу объ улучшеніи преподаванія древнихъ языковъ въ гимназіяхъ	104
— Наша учебная литература (разборъ 13 книгъ)	187

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

— Императорское Русское Географическое Общество въ 1882 г.	33
— Императорское Одесское Общество исторіи и древностей въ 1883 году	43
— Извѣстія о состояніи и дѣятельности нашихъ учебныхъ заведеній.	47

ОТДѢЛЪ КЛАССИЧЕСКОЙ ФИЛОЛОГІИ.

Э. Л. Радловъ. Этика Аристотеля. I.	67
Д. Н. Корольковъ. Новыя рукописи въ Елевоннѣ (съ планомъ)	88

ВЪ ПРИЛОЖЕНІИ:

И. И. Срезневскій. Славяно-русская палеографія (продолженіе)	121
--	-----

Редакторъ Л. Майковъ.

(Вышла 1-го апрѣля).

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФІЯ.

Императоръ Василій Болгаровойца. Извлеченія изъ лѣтописи Ихъи Аплохійскаго. Издавъ, перевелъ и объяснилъ баронъ В. Р. Розенъ. С.-Петербургъ. 1883.

Предъ нами большой томъ въ 622 страницы, посвященный Византіи и написанный ориенталистомъ. Для небольшого кружка русскихъ византистовъ, возлагающихъ обширныя надежды на византійскія занятія въ интересахъ научной постановки древняго періода славянорусской исторіи, приобрѣтеніе въ свои ряды такого ученаго имени, какъ авторъ названнаго сочиненія, составляетъ весьма пріятное и еще болѣе—важное событіе. Баронъ В. Р. Розенъ не скрываетъ, что его обращеніе къ вѣрѣ и надеждамъ византистовъ вызвано учеными вліяніями, идущими изъ изслѣдованій А. А. Куникии и В. Г. Васильевскаго. Эти благотворныя вліянія коснулись въ послѣднее время не одного С.-Петербургскаго, но и другихъ русскихъ университетовъ, вызвавъ интересъ къ изученію Византіи и породивъ рядъ научныхъ работъ, свидѣтельствующихъ столько же о неослабной энергіи научныхъ воздѣйствій, сколько о воспріимчивости къ серьезнымъ урокамъ въ средѣ молодыхъ университетскихъ поколѣній. Будущая исторія науки, къ которой принадлежитъ книга барона Розена, всегда съ благодарностью вспомнитъ названнаго имъ имена.

Да проститъ намъ однако авторъ, что мы не можемъ начать съ того, съ чего обыкновенно начинается рецензентъ, если говорить о сочувственной ему книгѣ. Нужно прямо сознаться—было бы по-

хоже на шутку, обидную равно для автора и для публики, если бы мы стали сулить книгѣ „Императоръ Василій Болгаробойца“ широкій кругъ читателей, извѣстность въ публикѣ и успѣхъ въ продажѣ. Ничего подобнаго ни пожелать, ни сказать нельзя. Книга написана для очень тѣснаго круга ученыхъ, и прочтутъ ее весьма немногіе. Въ ней нѣтъ цѣльнаго разказа, она не посвящена изслѣдованію одного какого-либо вопроса: есть же въ ней текстъ арабскаго лѣтописца, который топчетъ въ безграничномъ морѣ объясненій, цитатъ и большихъ извлеченій изъ византійскихъ, турецкихъ, арабскихъ и другихъ писателей. Тщательно собранные, повѣренныя и оцѣненныя авторомъ, совсѣмъ неизвѣстные или малоизвѣстные литературные факты сдѣланы достояніемъ ученыхъ самыхъ различныхъ специальностей, которые и могутъ теперь пользоваться сочиненіемъ барона Розена—каждый для своихъ цѣлей. Такимъ образомъ, и научная оцѣнка этого сочиненія не во всѣхъ частяхъ доступна специалисту въ одной какой-либо области.

И такъ, отказываясь дѣлать отчетъ обо всѣхъ вопросахъ, затрогнутыхъ авторомъ въ примѣчаніяхъ, число которыхъ доходитъ до 431, мы должны прежде всего опредѣлить свое отношеніе къ той части книги, о которой можемъ говорить. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ авторъ предоставляетъ дѣлать дальнѣйшіе выводы и заключенія византинистамъ и славистамъ. Это по преимуществу касается тѣхъ извѣстій Яхъи о болгарскихъ дѣлахъ и русско-византійскихъ отношеніяхъ, которыя или не находятся у византійскихъ писателей, или значительно отъ нихъ разнятся. На этой почвѣ, уступаемой авторомъ-арабистомъ историкъ-византинисту, мы находимъ возможнымъ не только судить о книгѣ барона Розена, но и принять на себя задачу посредничества между авторомъ и образованною публикой. При ближайшемъ ознакомленіи съ книгой оказывается, что затрогиваемые въ ней вопросы имѣютъ глубокую важность не для тѣснаго круга, который прочтетъ ее; что получаемые изъ нея выводы имѣютъ отношеніе къ историческимъ теоріямъ, занимающимъ не однихъ специалистовъ; что наконецъ, обосновываемые авторомъ новые факты вступаютъ въ связь съ группою другихъ, общеизвѣстныхъ историческихъ фактовъ. Словомъ, хотя и написанная для специалистовъ, книга б. Розена имѣетъ полное право на вниманіе образованной публики.

Свое посредничество мы должны ограничить тѣсными и точно установленными предѣлами. Такъ, мы оставимъ въ сторонѣ всѣ статьи, написанныя мастеромъ своего дѣла, не имѣющимъ соперниковъ. Изъ

введенія, трактующаго о литературѣ предмета, о жизни Яхъи, о сочиненіяхъ его и объ источникахъ его исторіи, наконецъ о сохранившихся спискахъ исторіи Яхъи, возьмемъ лишь немного—съ цѣлью ознакомленія съ новымъ арабскимъ источникомъ.

Въ 1874 г. академикъ Куникъ (О запискѣ Готскаго топарка, стр. 147) указалъ на важность извѣстій арабскаго писателя ал-Макина въ вопросѣ о крещеніи св. Владиміра. Въ 1876 г. профессоръ Васильевскій (Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, апрѣль 1876 г.: Русско-Византійскіе отрывки, II, стр. 132 и слѣд.) воспользовался лѣтописью ал-Макина уже для болѣе широкихъ задачъ, именно для выясненія запутанныхъ вопросовъ византійской, славянской и русской исторіи послѣдней четверти X вѣка. Оба ученые пользовались при этомъ содѣйствіемъ барона Розена, переводившаго для нихъ арабскіе тексты. Находимъ излишнимъ вдаваться здѣсь въ подробности о томъ, почему ал-Макинъ обратилъ на себя вниманіе нашихъ ученыхъ и что привноситъ его извѣстія въ исторію византійско-русскихъ отношеній 986—989 года. Довольно сказать, что по странной игрѣ случая, у арабскаго писателя сохранились такіа извѣстія, какихъ нѣтъ ни въ византійской, ни въ русской лѣтописи. Но такъ какъ ал-Макинъ жилъ въ XIII в., и слѣдовательно, показанія его для X в. на столько могутъ быть компетентны, на сколько хороши источники, которыми онъ пользовался, то очевидно, вопросъ объ источникахъ ал-Макина долженъ играть первостепенную роль при оцѣнкѣ самыхъ извѣстій о концѣ X вѣка. Остроумныя сближенія, сдѣланныя по этому поводу г. Васильевскимъ (тамъ же, стр. 129—130), не наводятъ однако изслѣдователей на надлежащую дорогу. Первая и самая безспорная заслуга барона Розена состоитъ въ томъ, что онъ показалъ наглядно источникъ ал-Макина въ другомъ арабскомъ писателѣ, жившемъ въ концѣ X и въ XI вѣкѣ. Оказывается, что ал-Макинъ для X и XI в. почти дословно списываетъ лѣтопись Яхъи Антиохійскаго. Нечего и говорить, сколько этимъ упрощается вопросъ объ источникахъ ал-Макина, и какъ авторитетъ этого писателя долженъ повизваться, когда будетъ общедоступенъ Яхъи, его источникъ.

Можно сказать, что Яхъи открытъ и впервые изученъ барономъ Розеномъ. Все введеніе поэтому представляетъ интересъ оригинальности и новизны и обличаетъ въ авторѣ мастера своего дѣла. Отсюда мы узнаемъ что историческій трудъ Яхъи тѣсно примыкаетъ къ сочиненію Александрійскаго патріарха Евтихія „Путь драгоцѣнныхъ камней“, доведенному до 937 г. (Migne, Patrologia t. CXI, p. 858),

и что доселѣ извѣстны три списка вновь открытаго источника, два изъ которыхъ были въ распоряженіи бар. Розена. О жизни автора и о происхожденіи его историческаго труда сообщаются слѣдующія данныя: Яхъя былъ въ родствѣ съ патриархомъ Евтихіемъ. Онъ родился въ концѣ семидесятихъ годовъ X в. въ Египтѣ, гдѣ и провелъ первую половину своей жизни. Онъ избралъ себѣ медицинскую профессию по примѣру своего знаменитаго родственника, и около 1006 г. получилъ предложеніе продолжать исторію патриарха Евтихія. „Цѣль моя“, говоритъ онъ, — „повѣствовать о событіяхъ, происходившихъ съ того времени, до котораго доходитъ лѣтопись Саида, сына Ватрика, патриарха Александрійскаго, и по сіе наше время, дабы тѣмъ исполнить требованіе того, кто меня просилъ о ея составленіи“. Въ 405 г. гижры (1014—1015) онъ переселился въ Антиохію по примѣру многихъ единовѣрцевъ, которые массами переселялись въ византійскія владѣнія, между прочимъ въ Лаодикию и Антиохію. Здѣсь онъ имѣлъ случай познакомиться съ новыми матеріалами, которые позволили ему частью дополнить, частью передѣлать свой трудъ. Здѣсь же онъ продолжалъ писать исторію своего времени, пользуясь современными разказами и письменными извѣстіями. Онъ свискалъ себѣ извѣстность и уваженіе въ Антиохіи своими учеными трудами и благочестіемъ. По всей вѣроятности, онъ велъ историческій разказъ до послѣднихъ дней своей жизни, именно до 1066 года. Но въ обоихъ спискахъ, бывшихъ въ распоряженіи барона Розена, текстъ обрывается на смерти царя Константина VIII брата Василя Болгаробойцы (1028 г.), то-есть, оба списка, по видимому, не полны.

Но если бар. Розенъ разрѣшилъ вопросъ объ источникѣ ал-Макина введеніемъ въ научный оборотъ историка Яхъя, то историческая критика должна затѣмъ относительно этого послѣдняго предъявить тѣ же требованія, какія прежде предъявляла къ ал-Макину. Нашъ ученый ориенталистъ не могъ уклониться по крайней мѣрѣ отъ попытки отвѣчать на совершенно справедливый запросъ объ источникахъ Яхъя. По этому поводу отмѣтимъ одно недоразумѣніе на стр. 075: „Что же касается до тѣхъ частей его труда, гдѣ онъ разказываетъ уже не какъ современникъ, то значеніе ихъ будетъ зависѣть отъ качества его источниковъ и его умѣнья пользоваться ими“. Нѣтъ сомнѣнія, что вопросъ объ источникахъ имѣетъ одинаковое значеніе для той и другой части труда Яхъя, ибо приводимое, на примѣръ, на стр. 059 извѣстіе о набѣгѣ Русскихъ на Константинополь не становится безспорнымъ только оттого, что оно случилось при жизни

Яхъи. Историческая критика по вопросу объ источникахъ дѣлаетъ изъятіе только въ пользу писателя-очевидца или принимавшаго участіе въ описываемыхъ событіяхъ.

Требованіямъ общей критики г. Розенъ пытается удовлетворить въ 3-й и 4-й главахъ введенія. Въ третьей главѣ дается анализъ всего сочиненія Яхъи; онъ важенъ столько же по тому, что позволяетъ опредѣлить историческій кругозоръ писателя и отмѣтить тѣ страны и событія, на которыхъ болѣе останавливается его вниманіе, сколько по тому, что даетъ возможность составить понятіе о всемъ трудѣ Яхъи въ совокупности, такъ какъ на первый разъ бар. Розенъ ограничивается изданіемъ отрывковъ, относящихся ко времени царя Василія II. Мимоходомъ замѣтимъ, что вопросъ объ источникахъ и можетъ быть рѣшаемъ собственно на изученіи отрывковъ или отдѣльных извѣстій. Четвертая глава, трактующая объ источникахъ Яхъи, при всей ея неполнотѣ съ общей точки зрѣнія, обильна остроумными соображеніями и заслуживаетъ высшаго одобренія по прекраснымъ, хотя и весьма смѣлымъ наблюденіямъ и выводамъ. Авторомъ здѣсь руководило хорошее чутье, которое иногда покидаетъ его въ примѣчаніяхъ. Мы считаемъ весьма справедливымъ пріемъ съ датами, который привелъ автора къ заключенію, что точныя даты почерпнуты Яхъей изъ особенныхъ источниковъ съ переложеніемъ найденнаго въ нихъ лѣтосчисленія на мусульманское. Если же справедливо, что большинство указаній на годъ, мѣсяцъ и даже день событій относится къ византійскимъ или христіанскимъ дѣламъ, то-есть, къ событіямъ въ Константинополѣ, Малой Азіи и Сиріи, которыми мусульманскіе писатели вообще занимаются весьма мало, то является вполне законнымъ выводъ о зависимости этой части извѣстій Яхъи отъ византійскихъ источниковъ. Пусть сохранившаяся византійская традиція стоитъ въ несогласіи съ арабскимъ писателемъ: состояніе византійскихъ источниковъ относительно конца X и XI вѣка таково, что историческая критика можетъ по всей справедливости иногда отдавать предпочтеніе хорошо переданному извѣстію Яхъи передъ сообщеніями позднѣйшихъ писателей Кедрина и Зонары. Критика въ этомъ случаѣ будетъ отправляться изъ соображенія, что арабскій писатель пользовался утраченнымъ греческимъ источникомъ.

При оцѣнкѣ главнаго содержанія книги, то-есть, извлеченій изъ лѣтописи и примѣчаній, мы ограничиваемъ свою задачу только двумя вопросами: болгарскою войной и русско-византійскими отношеніями.

Итакъ, какого свойства извѣстія Яхъи о болгарской войнѣ при Васильѣ II, и какъ баронъ Розенъ отнесся къ этимъ извѣстіямъ?

Самая существенная сторона извѣстій Яхъи заключается не въ количествѣ новыхъ фактовъ, вносимыхъ въ исторію войнъ Византіи съ Болгаріей, а во первыхъ, въ качествѣ, или лучше сказать, во взглядѣ на элементы, поддерживавшіе движеніе въ Болгаріи; повторныхъ, въ сравнительномъ богатствѣ хронологическихъ данныхъ. Нельзя сказать, что Яхъи пополняетъ наши свѣдѣнія о болгарской войнѣ; ибо часто у него недостаетъ такихъ фактовъ, которые несомнѣнно имѣли мѣсто, и о которыхъ сообщаютъ Византійцы. Болѣе вѣрнымъ представлялось бы намъ такое заключеніе, что у Яхъи сохранился взглядъ на болгарское движеніе не совсѣмъ согласный съ византійскою традиціей. Бар. Розенъ, замѣчая несогласіе Яхъи съ Византійцами, высказывается за тщательный пересмотръ существующихъ теорій о началѣ Самуиловой державы. Мы охотно раздѣлимъ его мнѣніе, если окажется, что Яхъи заслуживаетъ большей достовѣрности въ вопросѣ о болгарскихъ дѣлахъ, чѣмъ Скилица, Кедринъ и Зонара. Но для этого не сдѣлано еще перваго и необходимаго шага, не указаны основанія въ пользу предпочтенія арабскаго писателя, составившаго свое сочиненіе на востокѣ. Баронъ Розенъ догадывается, и вполнѣ основательно, что истина должна быть на сторонѣ хотя и довольно смутныхъ, но все же болѣе искреннихъ и безпристрастныхъ извѣстій, идущихъ отъ восточныхъ писателей, которые не имѣли тенденціи скрывать, ослаблять или вообще представлять въ иномъ свѣтѣ оскорбительные для патріотическаго чувства факты. Но прежде чѣмъ рекомендовать какія-нибудь новыя теоретическія построенія на основаніи Яхъи, требуется дать хотя приблизительное понятіе о происхожденіи особенностей въ его извѣстіяхъ и о заключеніяхъ, къ которымъ можно на основаніи ихъ приходиться.

Для этого существуетъ одно средство, которое, впрочемъ, мы затрудняемся рекомендовать бар. Розену, такъ какъ примѣненіе его едва ли въ настоящее время возможно. Это средство должно заключаться въ указаніи рода греческихъ источниковъ, которыми Яхъи могъ пользоваться въ Антиохіи. Но далѣе, въ вопросѣ о значеніи Яхъи, и именно что касается болгарскихъ и русскихъ дѣлъ, есть нѣсколько уже предрѣшенныхъ пунктовъ. Слишкомъ невыгодно для книги бар. Розена то обстоятельство, что за пять лѣтъ назадъ профессоръ Васильевскій снялъ покровъ таинственности съ ал-Макина и лишилъ такимъ образомъ свѣжести, неожиданности и новизны источниковъ, изъ

котораго заимствованы сообщаемыя имъ данныя о болгарскихъ дѣлахъ. Издателю лѣтописца Яхъи слѣдовало съ особенною силою отмѣтить тѣ стороны, которыя или остались совсѣмъ не воспроизведенными, или слегка измѣнены въ компиляціи ал-Макина. Говоря точнѣе, къ барону Розену можно предъявить два требованія съ точки зрѣнія извѣстій Яхъи о болгарскихъ дѣлахъ: а) чѣмъ именно новый источникъ дополняетъ или измѣняетъ имѣвшіяся прежде свѣдѣнія; б) какое положеніе извѣстій Яхъи должны занять въ наукѣ по сравненію ихъ съ другими матеріалами? Ясно, что этимъ требованіямъ не иначе можно удовлетворить, какъ подвергнувъ критикѣ отдѣльныя мѣста вновь издаваемого писателя. Критика извѣстій Яхъи находится въ примѣчаніяхъ. Эти послѣднія, если обобщить сдѣланные б. Розеномъ выводы, могутъ формулироваться въ слѣдующихъ положеніяхъ: 1) извѣстія Яхъи такъ важны, что вызываютъ потребность въ пересмотрѣ вопроса о началѣ Самуиловой державы; 2) отличаясь особенностями противъ сохранившейся византійской традиціи, они въ то же время подкрѣпляютъ ее точными хронологическими указаніями; но 3) чтобы усвоить наукѣ показанія арабскаго писателя, нужно предварительно рѣшить вопросъ о значеніи и способѣ употребленія у Яхъи термина комитопулъ. Въ этомъ послѣднемъ терминѣ дѣйствительно кроется загадка, отъ разъясненія которой зависить указаніе надлежащаго мѣста и болѣе выгодное освѣщеніе всѣхъ извѣстій Яхъи о болгарской войнѣ. Оставляя въ сторонѣ все другое, мы намѣрены относительно болгарскихъ дѣлъ ограничиться провѣркой мѣстъ о комитопулѣ.

Болѣе трудностей представляетъ первое мѣсто (Извлеченія, стр. 20—21), читаемое такъ: „И употребили хитрость оба сына Самуила, царя Болгарь, которыхъ Іоаннъ Цимисій взялъ и держалъ въ заключеніи во дворцѣ, и бѣжали изъ своего мѣста заключенія на лошадахъ, которыхъ они приказали держать на готовѣ для себя. И когда они очутились на перевалѣ, ведущемъ въ Болгарію, обѣ лошади, на которыхъ они сидѣли, остановились. И слѣзли они съ нихъ и скрылись въ горахъ, боясь быть догнанными, и пошли пѣшкомъ. И опередилъ старшій изъ нихъ на пути младшаго своего брата. И былъ онъ переодѣтымъ, и замѣтила его толпа Болгарь, которые охраняли ту гору отъ разбойниковъ. И выстрѣлили одинъ изъ нихъ въ него, не узнавъ его, такъ какъ онъ былъ одинъ, и убилъ его. И пришелъ по слѣдамъ его младшій братъ и объявлялъ имъ кто онъ. И увели они его и потомъ сдѣлали своимъ царемъ. И былъ у него

рабѣ, извѣстный подъ именемъ Комитопула, и дѣйствовалъ тотъ заодно съ нимъ, и собрались къ нему Болгары и воевали страны Грековъ. И отправился противъ нихъ царь съ большимъ войскомъ и подошелъ къ ихъ городу, именуемому Абаріей, и осадилъ его. И пошелъ слухъ по его войскамъ почью, что перевалъ имъ отрѣзанъ. И обратился тогда въ бѣгство царь и все его войско во вторникъ 17-го аба (августа) 1297 (986), то-есть, 7-го рабіа II, 376, и устремились къ перевалу. И преслѣдовали его Болгары и разграбили его обозъ и казну, и погнбло многое множество его войска. И было это въ десятомъ году его царствованія“. Комментарій этого мѣста находится на стр. 175—191 книги барона Розена.

Не предрѣшая—вѣрно или нѣтъ передаетъ Яхъ изложенный историческій фактъ, попытаемся точнѣе опредѣлить его точку зрѣнія на элементы болгарскаго движенія и на роль Комитопула, на основаніи его же собственныхъ показаній. Въ приведенномъ мѣстѣ отношеніе Комитопула къ бѣжавшему изъ плѣна царевичу установлено весьма ясно: тотъ и другой дѣлаютъ одно и то же дѣло, то-есть, являются предводителями Болгаръ въ войнѣ ихъ съ Греками; при томъ Комитопуль стоитъ на сторонѣ бѣжавшаго изъ Константинополя царевича, который сдѣлался царемъ Болгаръ. Ради соображеній, имѣющихъ выясниться ниже, замѣтимъ, что Комитопуль означаетъ не собственное имя, а нарицательное, напримѣръ, бояринъ или сынъ боярскій, властель или властельчъ, жуванъ или подобное. Правда, съ точки зрѣнія Яхъ, Комитопуль не имѣетъ самостоятельной роли въ болгарскомъ движеніи, если на лицо находится царь; но мы должны твердо помнить, что этотъ царь есть сынъ Самуила: обстоятельство не случайное въ извѣстіяхъ арабскаго историка. Не останавливаясь пока на анализѣ приведеннаго мѣста, посмотримъ, вездѣ ли строго выдержана точка зрѣнія Яхъ на Комитопула и его роль. На стр. 28 читаемъ: „И встрѣтилъ царь Василій Болгаръ и обратилъ ихъ въ бѣгство и взялъ въ плѣнъ ихъ царя и возвратилъ его въ темницу, изъ которой онъ бѣжалъ. И спасся Комитопуль, начальникъ его войскъ, и управлялъ государствомъ болгарскимъ“. На стр. 34: „И сдѣлалъ царь Василій магистра Никифора Урана domestikomъ и отправилъ его на войну съ Болгарами. И столкнулся онъ съ Комитопуломъ, вождемъ ихъ, и побѣдилъ ихъ и убилъ изъ Болгаръ великое множество и привезъ въ Константинополь тысячу головъ и двѣнадцать тысячъ плѣпниковъ. И написалъ Комитопуль царю Василю, унижаясь передъ нимъ и обѣщая ему покорность и прося его, чтобы

онъ оказалъ ему милость. И намѣревался было царь согласиться на это, но случилось, что царь Болгаръ, который находился въ заключеніи у царя въ Константинополѣ, умеръ. И дошла смерть его до его раба Комитопула, вождя Болгаръ. И провозгласилъ онъ тогда себя царемъ". На стр. 42: „И когда состоялось перемиріе... царь вернулся въ Болгарію для войны и оставался тамъ четыре года и одержалъ надъ Болгарами полную побѣду, убивая и похищая. И бѣжалъ передъ нимъ Комитопулъ ихъ царь". Наконецъ, на стр. 58 находимъ еще послѣднее упоминаніе о Комитопулѣ: „И въ 407 г. (10-го іюня 1016—29-го мая 1017) одинъ изъ вождей болгарскихъ, по имени Аронъ, началъ на царя ихъ Комитопула, раба Самуила, и убилъ его и овладѣлъ государствомъ Болгаръ. И былъ Аронъ этотъ изъ тѣхъ, коихъ предкамъ принадлежало преимущество въ царствованіи надъ ними".

Сравнивая между собою всѣ мѣста о Комитопулѣ, мы должны прямо высказаться противъ Яхъи и не колеблясь признать ошибочную его точку зрѣнія на элементы болгарскаго движенія и на роль Комитопула. Точно также не можетъ быть рѣчи о послѣдовательности или соотвѣтствіи между различными мѣстами, такъ какъ очевидно, писатель и самъ не былъ снабженъ достаточными матеріалами относительно дѣйствовавшихъ въ Болгаріи лицъ и отношеній между ними. Изъ сопоставленія перваго и послѣдняго мѣста мы можемъ довольно точно опредѣлить, чего не зналъ Яхъя, то-есть, чего онъ не въ состояніи былъ себѣ уяснить на основаніи того источника—во всѣхъ другихъ отношеніяхъ хорошаго, который былъ у него подъ руками. Вся бѣда въ томъ, что въ его источникѣ не было ни одного почти собственнаго имени. Изъ этого произошло то, что Яхъя остался въ заблужденіи на счетъ имени Комитопула, считая его собственнымъ именемъ и ни разу не попытавшись связать его, какъ бы это слѣдовало, съ довольно громкимъ въ то время именемъ Самуила, слухи о которомъ могли доходить и до Антиохіи. Это громкое имя, по требованіямъ причинности и послѣдовательности, онъ нашелъ всего удобнѣе связать съ угасающею династіей Болгарскихъ царей, чѣмъ и поставленъ былъ въ необходимость придать ей больше значенія, чѣмъ какое въ дѣйствительности она имѣла въ описываемыхъ событіяхъ. Итакъ, главная ошибка Яхъи заключается въ слѣдующемъ: во-первыхъ, онъ смѣшалъ сыновей царя Петра съ сыновьями Шишмана (комита); во-вторыхъ, имѣя самое смутное понятіе о Комитопулѣ, онъ не распозналъ подъ этимъ именемъ Самуила и видѣ-

лилъ его изъ рода комитопуловъ Шишманидовъ; третьихъ, его сознанію чужды отношенія между комитопулами: Давидомъ, Моисеемъ, Арономъ и Самуиломъ и ихъ потомствомъ, вслѣдствіе чего онъ не могъ быть точнымъ въ обозначеніи детальныя событій, происшедшихъ въ Болгаріи. Такимъ образомъ, напротивъ, то мѣсто, гдѣ (Излеченія, стр. 58) говорится, что Аарону принадлежало преимущество въ царствованіи надъ Болгарами, должно толковаться только въ томъ смыслѣ, что Ааронъ былъ старше Самуила и соперничалъ съ нимъ изъ-за власти. Изъ этого видно, что Яхья не можетъ быть надежнымъ руководителемъ въ указаніи дѣйствовавшихъ въ Болгаріи во имя національной свободы лицъ и въ обозначеніи раздражавшихъ страну усобицъ.

Но было бы весьма несправедливо дѣлать отсюда общія заключенія къ пзвѣстіямъ Яхьи о болгарской войнѣ. Не смотря на указанную путаницу именъ и отношеній, мы все же, такъ-сказать, осязаемъ у Яхьи чистый и живой родникъ свѣдѣній о болгарскихъ дѣлахъ и считаемъ не поколебленнымъ авторитетъ его вслѣдствіе того, что онъ не могъ поставить на своемъ мѣстѣ собственныя имена. Слабыя мѣста Яхьи легко могутъ быть поняты, если мы оцѣнимъ сильныя его мѣста. Для этого находимъ необходимымъ войти въ нѣкоторыя подробности, имѣя въ виду по преимуществу первое мѣсто о комитопулѣ.

Выраженіе „комитопулъ“ идетъ несомнѣнно изъ византійскихъ источниковъ. Основное мѣсто читается у Кедрина II, 346—347: „Сыновья его (то-есть, Петра, царя Болгарскаго) посланы были въ Болгарію, съ тѣмъ, чтобы припятъ отеческое царство и сдержать дальнѣйшее движеніе комитопуловъ. Ибо сыновья одного изъ могущественнѣйшихъ болгарскихъ комитовъ задумали возстаніе и взволновали Болгарію“. Хотя это свидѣтельство Кедрина, по видимому, относится къ другому времени, чѣмъ первое мѣсто о комитопулѣ у Яхьи; но мы склонны видѣть въ немъ тождество съ нижеслѣдующимъ у того же Кедрина II, 434—435: „Когда же Болгаре со смертію царя Іоанна (то-есть, Цямискія) начали возстаніе, владѣть ими собираются четыре братья: Давидъ, Моисей, Ааронъ и Самуиль—дѣти одного изъ могущественнѣйшихъ болгарскихъ комитовъ и по сему называемые комитопулами. Ибо изъ родичей Петра одни перемерли, сыновья же его Борисъ и Романъ, отведенные въ столицу, какъ выше сказано, оставались въ ней... И когда случилась смерть Іоанна, они бѣжали въ Болгарію“. Далѣе совершенно сходно съ разказомъ

Яхъи. Хорошо знаетъ комитопуловъ и другой византийскій писатель Зонара. „Когда“ говоритъ онъ,—„стала извѣстна смерть Цимискіа, Болгаре передають власть четыремъ братьямъ Давиду, Моисею, Аарону и Самуилу, которые назывались комитопулами, потому что были дѣти одного изъ бояръ (властелей), именуемыхъ комитами, а царскій родъ у нихъ пресѣлся, такъ какъ остается въ живыхъ одинъ только сынъ Петра, скопецъ Романъ“ (Zonarae IV, 110, ed. Dindorf.). Ясно, что Яхъи недоступны были такіе византийскіе источники, которые называли бы по именамъ комитопуловъ и дѣлали различіе между родомъ Шипмана и сыновьями Петра Симеоновича. Но у него былъ источникъ другого рода, представление о которомъ можно составить себѣ на основаніи поэтическаго произведенія Іоанна Геометра „на комитопула“:

Ανω κομίτης ἔφλεγε τον αἰθέρα,

Κάτω κομήτης κορπολεῖ τὴν ἐσπέραν и проч.

и съ которымъ по способу отношенія къ личнымъ и мѣстнымъ именамъ соперничествуемъ особый родъ ораторскихъ произведеній (духовныя и свѣтскія слова), составляющій первоначальнѣйшій источникъ византийской лѣтописи. О Геометрѣ см. у г. Васильевскаго, Журн. М. Н. Просв., апрѣль 1876, стр. 162; произведение „на комитопула“ издано ар. Сгагер Anecdota Graeca IV, 283. Что касается до значенія выраженія „комить“ въ византийской литературѣ, оно несомнѣнно указываетъ на земское происхожденіе термина и должно стоять въ связи съ другими словами: митрокомія и комитуря. Мы обращали вниманіе на эти слова по другому случаю, и въ настоящее время находимъ достаточнымъ сослаться на употребленіе термина комить у Анны Комниной (Alexias. II, 71, 132), дрянгарокомить у Константина Порфиророднаго (De ceremoniis p. 482) (см. въ Журналѣ Мин. Нар. Просвѣщенія, январь 1883, статью „Къ исторіи крестьянскаго землевладѣнія въ Византіи“, стр. 71; февраль, стр. 329—333). Комитопулъ Яхъи, Геометра и Кедрина есть также представитель земскаго элемента въ Болгаріи.

Такимъ образомъ, при существованіи другихъ источниковъ, по которымъ возстаюмъ отношеніе комитопуловъ къ старой династіи царей и опредѣляется ихъ роль,—нѣтъ особенной причины жалѣть о томъ, что Яхъи перемѣшала дѣйствующихъ лицъ, въ особенности еслибъ извѣстія его о болгарской войнѣ оказались заслуживающими предпочтительнаго вниманія въ другихъ отношеніяхъ. На этомъ вопросѣ и слѣдуетъ теперь сосредоточить все вниманіе.

Общая оцѣнка извѣстію Яхъи о пораженіи Болгарами византійскаго войска при Сардикѣ-Срѣдцѣ (Абарія) въ десятомъ году царствованія Василія (разбираемое нами мѣсто о комитопулѣ находится въ связи съ этимъ извѣстіемъ) сдѣлана уже тѣмъ ученымъ, которому посчастливилось открыть для русской науки ал-Макина, пользовавшагося Яхъей. Будучи поставлено, согласно точнымъ хронологическимъ указаніямъ арабскихъ писателей, между событіями 986 года, это извѣстіе дало профессору Васильевскому точку отправленія для новой теоріи русско-византійскихъ отношеній въ 987—989 гг., чѣмъ авторитетъ арабскаго писателя утверждёнъ уже на весьма прочныхъ основаніяхъ. Позволяемъ себѣ въ этомъ отношеніи сдѣлать нѣсколько дополненій къ прекраснымъ соображеніямъ нашего историка. Не можетъ быть теперь сомнѣнія, что разказанное Львомъ Діакономъ дѣло въ 10-й книгѣ, гл. 8 (Вопп. 171—173) есть то самое поражение Грековъ, о которомъ свидѣтельствуетъ Яхъи въ изучаемомъ нами мѣстѣ (б. Розенъ, стр. 20 и примѣч. 143, 145). Профессоръ Васильевскій, тщательно изучившій Льва Діакона, не могъ не замѣтить, что Русскіе у этого писателя упоминаются или подъ именемъ Руси, или подъ именемъ Скиѳовъ, и что именно такъ называетъ онъ Святослава и пришедшее съ нимъ войско. Напримѣръ: ἀποκρίσεις τοῦ Σκόθου δεξάμενος (разумѣется Святославъ, а Русь тутъ же назвала Тавроскиѳонъ—р. 105); Σκόθαί=Ταυροσκοθαί (р. 110—111); сравн. р. 129, 132, 134; Ῥῶς δὲ καὶ αὐτοὶ πρὸς τοῦ σφῶν παρακροτούμενοι στρατηγῶ (Σφέγγελος δὲ ἦν οὗτος, ὁ τρίτην εὔων τιμὴν παρὰ Σκόθαίς—р. 135); Скиѳонъ=Тавроскиѳонъ=Русскіе (р. 137); то же самое на стр. 139. Правда, нельзя считать вездѣ выдержанною терминологию Льва Діакона, такъ какъ и про Симеона, вождя Мисійцевъ (Болгаръ), онъ говоритъ: εἰς ἀπόνοιάν τε τὴν Σκοθικὴν καὶ συνήθη ἐπαρθεῖς (р. 123); но все же слѣдуетъ признать, что обычно Левъ Діаконъ подъ Скиѳами разумѣетъ Русскихъ, и что прилагая терминъ „скиѳскій“ къ Болгарамъ, онъ опредѣляетъ имъ не этнографическое свойство, а нѣкоторыя общія у Болгаръ съ Русскими качества. Если присоединить сюда наблюденія надъ употребленіемъ словъ „Скиѳъ“ и „скиѳскій“ у другаго писателя того же времени, I. Геометра, то окажутся очень серьезныя основанія къ тому, чтобы не уступать безъ уважительныхъ причинъ толкованіе слова „скиѳскій“ въ пользу болгарской, а не въ пользу русской народности.

Профессоръ Васильевскій поступилъ безъ борьбы двумя такими мѣстами въ описаніи у Льва Діакона дѣла при Срѣдцѣ 986 года. Пусть первое мѣсто: τὴν Σαρδικὴν ἦν καὶ Τράλιτζαν ἢ Σκοθικὴ συνήθεια

κέκληθεν—толкуется въ значеніи болгарскаго языка въ тѣсномъ смыслѣ, хотя это не будетъ исключать и болѣе широкаго толкованія въ смыслѣ русскаго языка, подобно тому, какъ ἡ ἀπόνοια Σχιδική съ такимъ же правомъ можетъ быть переведено скисская, какъ и русская дерзость или безразсудство: сравн. ἀπόνοια βαρβαρικῆ у Льва Діакона, р. 106, въ приложеніи къ Святославу. Но нельзя съ тою же легкостью поступиться другимъ мѣстомъ: καὶ μάχαιρας Σχιδικῆς γέγονα παρανάσφα (р. 173). Мы тѣмъ болѣе должны дорожить этими словами, что они составляютъ свидѣтельство очевидца. „Тамъ былъ и я, описывающій это несчастное дѣло, сопутствуя императору и исполняя при немъ службу діакона: и мнѣ не оставалось почти исхода, и я сдѣлался бы жертвою меча скисскаго, если бы нѣкоторое божественное попеченіе не извело меня изъ самой опасности“. Мы не думаемъ, чтобы Левъ Діаконъ случайно употребилъ здѣсь выраженіе „скисскаго меча“, или чтобы μάχαιρα, какъ и σπήθια, съ одинаковымъ удобствомъ могли имѣть при себѣ опредѣленіе скисскаго, то-есть, болгарскаго или русскаго. Нѣтъ, эти слова могутъ указывать на дѣйствительный фактъ участія Русскихъ въ византийско-болгарской войнѣ 986 года.

Если о присутствіи Русскихъ въ Болгаріи, то-есть, именно князя Владиміра, можно предполагать, на основаніи извѣстія Льва Діакона, то выступаетъ весьма интересный вопросъ о приведеніи въ связь этого довольно неожиданнаго намека съ русскою лѣтописью. Подъ 985 годомъ въ лѣтописи (Лѣтопись по Лаврентьевскому списку, изданіе археографической комиссіи, стр. 82) находится слѣдующее извѣстіе: „Иде Володимеръ на Болгары съ Добрынею, съ уемъ своимъ, в лодьяхъ, а Торьки берегомъ приведе на конихъ. И побѣди Болгары“. Извѣстно, что русскіе историки, начиная съ Карамзина, относятъ это извѣстіе къ Камскимъ и Волжскимъ Болгарамъ, основываясь на прибавкѣ въ нѣкоторыхъ спискахъ при имени Болгаръ: „визовскіе“ или „иже по Волгѣ“ (Карамзинъ I, прим. 436). Съ точки зрѣнія исторіи походовъ князя Владиміра, по нашему мнѣнію, натуральнѣе здѣсь видѣть Балканскихъ Болгаръ, предпочтеніе же въ пользу Камскихъ можно объяснить только тѣмъ, что вообще мы слишкомъ еще мало выяснили исторію X вѣка. Не говоря уже о томъ, что Владиміръ прославился именно походами на западъ и на югъ (Червенскіе города, Корсунь), очень трудно представлять себѣ въ X вѣкѣ плывущій по Волгѣ русскій флотъ, сопровождаемый по берегамъ конными наемными войсками. И прибавка о носящихъ саногі, въ противоположность къ ланогікамъ, скорѣе мо-

жеть имѣть приложеніе къ греко-славянскому населенію на Дунаѣ, чѣмъ къ камскимъ Болгарамъ. По всей вѣроятности, на чтеніе приведеннаго мѣста лѣтописи имѣла значительное вліяніе приводимая подъ слѣдующимъ годомъ легенда о посольствѣ въ Кіевъ волжскихъ Болгаръ.

Такъ или иначе, но едва ли не слѣдуетъ возвратиться въ толкованіи этого мѣста къ тексту Татищева (Исторія Россійская, кн. 11, стр. 63): Владимиръ, собравъ воинство великое, и Добрыню вѣя своего призвавъ, съ Новгородцы пошелъ на Болгары и Сербы въ лодіяхъ по Днѣпру, а конныя войска Русскія, Торковъ, Волынянъ и Червенкихъ послалъ прямо въ землю болгарскую, объявить имъ многія ихъ нарушенія прежнихъ отца его и брата договоровъ, и причиненныя подданнымъ его обиды, требуя отъ нихъ награжденія⁴... Этотъ взглядъ находитъ себѣ оправданіе въ открытой преосвященнымъ Макаріемъ „Похвалѣ мопаха Іакова“: и Лтъвяги взя, и сребренныя (Сербяны) Болгары побѣди.

Впослѣдствіи мы надѣемся подробнѣе изложить свой взглядъ на русско-болгарскія и византійскія отношенія конца X вѣка, а теперь ограничимся краткимъ замѣчаніемъ. Союзъ Никифора Фоки съ княземъ Святославомъ могъ имѣть для Византіи роковое значеніе, ибо Русскіе скоро поняли свои интересы на Дунаѣ и обратились въ союзниковъ Болгаръ противъ Грековъ. Сначала они были на сторонѣ старой династіи болгарскихъ царей, а потомъ послѣ Святослава поддерживали національное славянское движеніе и боролись въ союзѣ съ комитопулами противъ Грековъ и партіи сыновей Петра Симеоновича: этия положеніемъ дѣлъ мы объясняемъ извѣстіе Татищева о войнѣ Владиміра съ Болгарами. Но событія 988—989 годовъ круто измѣнили политику русскихъ князей. Принятіе Русью христіанства отъ Грековъ, а не отъ Болгаръ сопровождалось величайшими послѣдствіями, измѣнившими ходъ событій въ юго-восточной Европѣ. Между прочимъ, оно доставило преобладаніе греческому элементу на Балканскомъ полуостровѣ и было причиной утраты политической роли Россіи на югѣ. Византійская политика достигла того, что съ 989 года Русь изъ страшилища Грековъ обратилась въ защитницу и помощницу ихъ на востокѣ и западѣ и дала возможность царю Василію круто расправиться съ Болгарами. Съ этой точки зрѣнія пересмотръ извѣстій о русско-болгарскихъ отношеніяхъ является вопросомъ глубокой важности въ русской исторической наукѣ. Туо ролью, которую Русь играла въ болгарско-византійскихъ отношеніяхъ,

объясняется до нѣкоторой степени сказаніе лѣтописи о предложеніяхъ вѣри: Греки, равно какъ Болгаре разныхъ политическихъ партій, имѣли интересъ именно въ 986—987 году домогаться посредствомъ посольствъ соглашенія съ Киевомъ. Но это пока отдаленные выводы. Ближайшій же состоитъ въ томъ, что византійская и русская лѣтопись можетъ оправдать участіе князя Владиміра въ войнѣ Болгаръ съ Греками въ 986 году.

Теперь мы можемъ снова обратиться къ Яхъи или, лучше, къ тому источнику, который былъ у него подъ руками, съ слѣдующимъ запросомъ: не сохранилъ ли онъ хотя бы и безсознательно нѣкотораго намека на Владиміра?—Относящееся сюда мѣсто баронъ Розенъ передаетъ такъ: „И увели они его (то-есть, Болгаре, того царевича, который остался въ живыхъ) и потомъ сдѣлали своимъ царемъ. И былъ у него рабъ, извѣстный подъ именемъ Комитопула, и дѣйствовалъ тотъ заодно съ нимъ, и собрались къ нему Болгары и воевали страны Грековъ. И отправился противъ нихъ царь съ большимъ войскомъ“ (Извлеченія, стр. 21).

Такъ какъ отвѣчать за Яхъю съ полнымъ правомъ можетъ только б. Розенъ, то мы прежде всего обращаемся къ нему съ просьбой: еще разъ допросить Араба по тому пункту, по которому на него сдѣланъ оговоръ другими свидѣтелями. И между прочимъ просимъ обратить вниманіе на то слово или оборотъ въ арабскомъ текстѣ, которому соответствуетъ „тотъ“ перевода. Имѣя всѣ основанія полагать, что свидѣтельство Яхъи почерпнуто изъ хорошаго источника, но неискусно воспроизведено, мы должны со всею тщательностію разобрать его формальную сторону. Для Яхъи, какъ и для пользовавшагося имъ ал-Макина, остались неизвѣстны виновники смутъ въ Болгаріи и средства, которыми они располагали. Тѣмъ не менѣе, легко судить, что у перваго дѣйствующими элементами являются: 1) тотъ, кого сдѣлали царемъ; 2) комитопулъ (а можетъ быть, и еще кто, если придавать значеніе подчеркнутому слову „тотъ“); 3) народъ; у втораго же, который писалъ къ XIII в. и могъ быть знакомъ съ литературными произведеніями для исторіи X вѣка, дѣйствуютъ только: 1) кого сдѣлали царемъ, 2) приставшіе къ нему Болгаре, то-есть, по нашему мнѣнію, вполне основательно соединены въ одно два элемента Яхъи, ибо тотъ, кого сдѣлали царемъ, оказывается комитопуломъ. Но посмотримъ, какой видъ должно было получить свидѣтельство Яхъи, введеннаго въ затрудненіе отсутствіемъ собственныхъ именъ въ его источникѣ. Роль комитопула уже и потому должна представляться у

него въ дожиомъ свѣтѣ, что бѣжавшіе изъ Византіи царевичи, по ошибкѣ названіи синонима Самуила, то-есть, настоящаго комитопула, должны были въ представленіи Яхъи, а слѣдовательно, и въ изложеніи его, или обмѣняться чертами съ реальнымъ комитопуломъ Самуиломъ, или слѣться съ нимъ, но это одинаково должно было отразиться и на образѣ рисуемаго Яхъей воображаемаго комитопула, на котораго перенесены историческія черты сына Петра Симеоновича. Что же касается втораго дѣателя, исполняющаго у Яхъи роль комитопула, то на его мѣсто также приходится поставить реальное лицо, арабскому писателю едва ли извѣстное. Единственной чертой для нашихъ сближеній представляетъ здѣсь выраженіе: „и дѣйствовалъ тотъ заодно съ нимъ“. Такъ какъ въ данномъ случаѣ нѣтъ никакого основанія допустить союзъ реальнаго комитопула съ синономъ Петра Симеоновича, то мы легко можемъ подставить на мѣсто воображаемаго комитопула и мѣстоименія тотъ Русскаго князя Владиміра. Въ ожиданіи авторитетнаго суда самого барона Розена, который одинъ можетъ сказать: возможно ли оправдать нашу догадку съ точки зрѣнія арабскаго текста, мы можемъ присоединить здѣсь слѣдующее замѣчаніе. Съ точки зрѣнія византійской и славянской исторіи нѣтъ возможности оправдать взглядъ Яхъи на отношенія комитопула къ старой династіи Болгарскихъ царей. Сынъ Петра Симеоновича не былъ избранъ Болгарскимъ царемъ, и комитопулъ не держалъ его сторону. Походъ Василія II въ 986 году предпринятъ былъ не противъ сына Петра, а противъ Самуила, и самое бѣгство царевичей изъ Константинополя правильнѣе должно быть разсматриваемо, какъ политическая мѣра со стороны византійскаго правительства, допущенная съ цѣлью поддержанія порядка и византійской партіи въ Болгаріи противъ усилившагося значенія комитопула Самуила.

Яхъя, ал-Макинъ, Асохикъ и другіе восточные писатели виновны въ умншеніи искаженіи фактовъ; но тотъ первоначальный источникъ, изъ котораго черпалъ Яхъя, очевидно, представлялъ для него непреодолимые затрудненія и повелъ къ путаницѣ. Выше мы замѣтили, что этотъ источникъ страдалъ отсутствіемъ собственныхъ именъ и довольно неопредѣленными намеками на элементы, поддерживавшіе въ Болгаріи броженіе. Далѣе въ немъ можетъ быть указана тенденція, выражающаяся въ склонности игнорировать элементы національнаго освободительнаго движенія и выставить на видъ притязанія старой царской династіи. Наконецъ, по своему характеру

онъ былъ таковъ, что не давалъ готовыхъ фактовъ, а представлялъ возможность комбинацій и догадокъ (различіе въ извѣстіяхъ Яхъи и ал-Макина). По этимъ признакамъ можно опредѣлить и родъ первоначальнаго источника. Нѣтъ сомнѣнія, что и относительно X вѣка памятники ораторскаго искусства должны представлять собою первоисточникъ для историческихъ произведеній, какъ это можетъ считаться теперь установленнымъ для XII и XIII вв. [пишущему эти строки удалось возстановить исторію болгарскаго освободительнаго движенія въ XII в. на основаніи словъ и рѣчей, см. Образование втораго Болгарскаго царства, Одесса 1879; сравн. о значеніи ораторскихъ произведеній въ изданіи византійскихъ писателей о крестовыхъ походахъ французскаго византиста Миллера (*Historiens Grecs*)]. Словомъ, мы приходимъ къ выводу, что у Яхъи было передъ глазами или похвальное слово, или другое свѣтское или духовное ораторское произведеніе, въ которомъ, по обычаю времени и требованіямъ стили, лица не назывались, а только описывались. Не будучи хорошо знакомъ съ болгарскими отношеніями, Арабъ старался, не мудрствуя лукаво, передать отвлеченныя и описательныя выраженія своего источника въ конкретной формѣ и, конечно, не могъ избѣжать путаницы. Но если мы называемъ источникомъ Яхъи современное событіямъ ораторское произведеніе, то этимъ самымъ высказываемся за оригинальность и важность извѣстія арабскаго писателя. Яхъи до тѣхъ поръ будетъ удерживать за собою авторитетъ оригинальности, пока не посчастливится разыскать тотъ греческій источникъ, которымъ онъ пользовался въ Антиохіи.

Изъ предыдущаго можно вывести, въ чемъ мы не согласны съ б. Розеномъ относительно комментарія на извѣстія Яхъи о болгарскихъ дѣлахъ. Въ комментаріяхъ онъ не остался вѣренъ болѣе справедливому общему выводу, сдѣланному во Введеніи (напримѣръ, 089), о близости Яхъи къ одной изъ сохранившихся греческихъ лѣтописей. Комментируя отдѣльныя извѣстія, онъ пришелъ наоборотъ къ убѣжденію, что источникъ Яхъи довольно рѣзко противорѣчитъ Силлицію-Кедрину и еще болѣе толкователямъ ихъ скудныхъ и темныхъ показаній (прим. 145, стр. 188; прим. 183, стр. 229—230 и др.), и потому долженъ былъ отставать, по крайней мѣрѣ — по нашему мнѣнію, невозможную теорію, будто царствованіе Самуила не соединено было съ явнымъ отреченіемъ отъ прежняго правительства, и будто Самуилъ ждалъ смерти послѣдняго представителя старой династіи, чтобы возложить на себя царскій вѣнецъ. Эту теорію мы считаемъ ошибочною и объясняемъ ее тѣмъ, что авторъ не вникъ

въ положеніе Яхъи и позволилъ себѣ увлечься оригинальностью его ошибки.

Мы не беремъ на себя смѣлости утверждать, что разборомъ одного мѣста дали ключъ къ объясненію другихъ извѣстій Яхъи о болгарской войнѣ, въ которыхъ повторяется имя комитопула. Весьма можетъ быть, что относительно каждаго мѣста потребуется принять въ соображеніе свои особыя обстоятельства, которыя могутъ привести къ примиренію арабскаго писателя съ византійскою лѣтописью. Такъ, напримѣръ, несомнѣнно, что Яхъя, не понявъ значенія комитопула рядомъ съ представителями прежней династии, ничего не знаетъ о семейной враждѣ между самими комитопулами, о смѣнѣ одного лица другимъ въ управленіи Болгаріей, наконецъ объ измѣнѣ нѣкоторыхъ представителей этого рода національному дѣлу. Входить въ детальное разсмотрѣніе всѣхъ отдѣльных мѣстъ мы не будемъ, тѣмъ болѣе, что это повело бы насъ къ необходимости категорически отвѣтить на вопросъ о томъ, какое значеніе, среди другихъ источниковъ, вообще должны имѣть извѣстія Яхъи о болгарскихъ дѣлахъ, и на сколько увеличиваются наши знанія по болгарской исторіи вслѣдствіе открытія этого новаго источника. Дѣло въ томъ, что, кромѣ путаницы въ именахъ, въ исторіи Яхъи замѣчаются пропуски весьма важныхъ событій: такъ, онъ не даетъ свѣдѣній о смерти Самуила. Но такъ какъ качество извѣстій можетъ искупать неполноту и отсутствіе находимыхъ у греческихъ авторовъ подробностей, то очевидно, въ общей оцѣнкѣ Яхъи нужно будетъ отправляться изъ разсмотрѣнія мелочей и частныхъ. Одно уже то, что онъ далъ хронологическое указаніе для пораженія Грековъ Болгарами при Сръдцѣ въ 986 году, указаніе, совершенно измѣняющее взглядъ на цѣлый рядъ событій, послѣдовавшихъ вслѣдъ затѣмъ, приковываетъ къ Яхъѣ пытливое вниманіе изслѣдователя, лишеннаго хронологическихъ опоръ въ другихъ источникахъ. Но и для послѣдующихъ войнъ съ Болгарами арабскій писатель или прямо указываетъ даты, или позволяетъ установить ихъ изъ связи разказа. Вслѣдствіе того получается возможность болѣе правильнаго распредѣленія историческаго матеріала и пополненія скорбнаго листа Болгаръ фактами, приуроченными къ опредѣленнымъ годамъ. Оказывается, что какъ разъ въ тѣ годы, когда, по мнѣнію историковъ, ни Болгаре, ни Византія не предпринимали другъ противъ друга никакихъ дѣйствій, на самомъ дѣлѣ шла на Балканскомъ полуостровѣ упорная борьба (Извлеченія, стр. 27—28, прим. 183). Изъ этого видно, что извѣстія Яхъи дѣй-

ствительно на столько важны по своимъ датамъ, что вызываютъ потребность переработки существующихъ изложеній хода борьбы Грековъ съ Болгарами. Бар. Розенъ съ своей стороны положилъ начало для подобной работы, тщательно свелъ византійскія извѣстія и разобравъ мнѣнія историковъ. Будущему ученому, который приметъ на себя задачу писать исторію Болгаръ въ X и XI вв., можемъ еще рекомендовать справляться съ Русскою лѣтописью и воспользоваться книгой В. Г. Васильевскаго „Совѣты и разказы византійскаго боярина“ (С.-Петербургъ, 1881), равно какъ его же статьи „Русско-византійскіе отрывки“, помѣщенной въ Ж. М. Н. Пр., апрѣль 1876 г. Рядомъ съ особенностями хронологическаго свойства, Яхью дѣлаютъ не замѣнимымъ тѣ черты, которыя онъ сохранилъ изъ современнаго событіямъ источника, утраченнаго для позднѣйшихъ византійскихъ писателей. Выше мы намѣтили до пѣкоторой степени такую черту въ извѣстіи его о болгарской войнѣ 986 г. Но съ особенною силой бьетъ эта живая струя въ его извѣстіяхъ о Руси, которыя обезпечиваютъ Ихъ совершенно особое вниманіе со стороны русской науки. Прежде чѣмъ перейти къ этой категоріи свидѣтельствъ, остановимся еще на одномъ—по отношенію къ Болгаріи. Извѣстіе Ихъ о мѣрахъ, принятыхъ Василиемъ II по замиреніи Болгаріи, и въ качественномъ, и въ количественномъ отношеніи стоитъ несравненно выше византійскихъ. Отъ него также вѣетъ свѣжестью и новизною, почерпнутою изъ хорошаго источника; каковымъ не пользовались Кедринъ и Скилица, а потому оно должно быть отнесено къ числу безпримѣрныхъ въ литературѣ.

Разказавъ о послѣднемъ кровавомъ дѣлѣ въ семьѣ комитопуловъ, именно объ убіеніи Иоанномъ-Владиславомъ, сыномъ Аарона, Гавриіла-Романа, сына Самуила (имена подставлены, б. Розенъ, прим. 358), Ихъ продолжаетъ (Извлеченія, стр. 58—59): „И послалъ онъ къ царю Василию и написалъ ему, обѣщая ему покорность и дружбу и объявляясь, что будетъ управлять государствомъ, которымъ завладѣлъ, согласно его (царя) желаніямъ, и не предприметъ никакого дѣла противъ его воли. И оставался онъ царемъ одинъ годъ и былъ въ свою очередь убитъ рукой одного изъ своихъ подчиненныхъ. И написали вожди Болгаръ царю Василию, унижаясь передъ нимъ и выражая свое желаніе, чтобъ онъ принялъ находившіяся въ ихъ рукахъ крѣпости и области и прося его разрѣшенія прибыть къ нему и дѣйствовать согласно его приказаніямъ. И пошелъ тогда царь въ Болгарію въ Шаввалѣ 408 (20-го февраля—20-го

марта 1018 г.), и вышли ему на встрѣчу всѣ тамошніе вожди и были также выведены жена Аарона, царя Болгарь, и дѣти его. И принялъ онъ ихъ крѣпости и оказалъ имъ милости и далъ каждому изъ нихъ должности согласно тому, чего требовали его заслуги. И оставилъ себѣ сильныя крѣпости и назначилъ надъ ними правителей изъ Грековъ, и срылъ остальные. И устроилъ дѣла Болгаріи и назначилъ туда василиковъ, то-есть, управляющихъ всѣми дѣлами и имуществами. И стало государство Болгарское присоединеннымъ къ государству Грековъ, и сдѣлалъ онъ его катепанатомъ. И было это въ сорокъ-четвертомъ году его царствованія. И вернулся онъ въ Константинополь. И вступили въ бракъ дочери Болгарь съ сыновьями Грековъ и дочери Грековъ съ сыновьями Болгарь, и смѣшалъ онъ однихъ съ другими и тѣмъ уничтожилъ старую вражду, которая была между ними⁴.

На этомъ прекрасномъ мѣстѣ Яхъи нельзя не остановиться, тѣмъ болѣе, что б. Розень, суди о немъ съ точки зрѣнія путаницы именъ (прим. 358, стр. 364), умалилъ его значеніе. Мѣсто это слѣдуетъ опѣнживать со стороны характера извѣстій объ администраціи Болгаріи подъ византійскимъ господствомъ и со стороны средствъ, принятыхъ Василиемъ II къ окончательному замиренію страны. Та и другая сторона остается совсѣмъ не затронутою въ произведеніяхъ византійскихъ писателей Сквилицы и Кедрина, ограничившихся незначительною парой словъ по этому интересному вопросу (*Sedgenus II*, 530, 716). Память объ устройствѣ Болгаріи послѣ завоеванія сохранилась лишь въ новеллахъ царя Василія, вошедшихъ въ извѣстный хризовуль Михаила Палеолога отъ 1272 года (*Zachariae, Jus Graeco-romanicum III*, 319 и полиѣе у Голубинскаго: Краткій очеркъ исторіи православныхъ церквей, 259—263). Но по своему содержанию, новеллы Василія имѣютъ частный характеръ: обезпечивая политическія и имущественныя права Болгарской церкви, онѣ совсѣмъ не касаются гражданскаго устройства Болгаріи. Такимъ образомъ Яхъѣ суждено восполнить давно уже ощущаемую пустоту между источниками и ближайшимъ образомъ удовлетворить запросъ: можно ли предполагать связь между предоставленными церкви привилегіями и политическими правами, дарованными гражданскимъ сословіямъ. Цоставленное рядомъ съ хризовулами, приведенное мѣсто можетъ дать точные и опредѣленные выводы (см. мою книгу: Образование втораго Болгарскаго царства, стр. 17—20, 57—73) объ общей формѣ устройства Болгаріи послѣ подчиненія. Позволимъ себѣ

сдѣлать нѣкоторыя частныя замѣчанія. Болгарія не была, такъ-сказать, взята на шты и не сдалась на безусловную волю завоевателя. Замиреніе Болгаріи достигнуто было столько же военною силою, сколько интригой и подкупомъ. Въ византійскую партію переходятъ члены дома комитопуловъ: таковъ былъ Ааронъ и его сынъ; послѣднему наконецъ удалось погубить Гавріила Самуиловича и тѣмъ нанести окончательный ударъ партіи національной свободы. Измѣна національному дѣлу развѣдаетъ также высшіе слои дворянства и духовенства; усиленіе грекофильской партіи постепенно давало царю Василю точку опоры для новыхъ военныхъ успѣховъ надъ Болгарами. Упоминаніе въ хризовулѣ Василии II объ особенныхъ заслугахъ Видинскаго епископа, достойныхъ преимущественныхъ наградъ, дополняется свидѣтельствомъ Яхъи о болгарскихъ вождяхъ, которые просили Греческаго царя принять находившіяся въ ихъ рукахъ крѣпости и области. Оказывается возможнымъ иллюстрировать эти указанія и конкретными фактами, какихъ не мало можно найти въ сочиненіи В. Г. Васильевскаго: Совѣты византійскаго боярина (стр. 35 Дмитрій Полемархъ, Николица). Замиреніе Болгаріи, говоритъ онъ,— въ томъ и состояло, что Василій II привлекъ на свою сторону болгарское боярство, щедро раздавая ему византійскіе чины и званія. Вслѣдствіе указанныхъ обстоятельствъ получается возможность составить до нѣкоторой степени опредѣленную идею о формѣ устройства подчиненной Болгаріи, и эта идея, смѣло можно сказать, дана въ извѣстіи Яхъи. На первый разъ не могло быть и рѣчи о введеніи византійской системы управленія, суда, податей и т. п., къ чему стремится византійское правительство впоследствии; на первый разъ царь ограничился занятіемъ крѣпостей и срытіемъ тѣхъ изъ нихъ, которыя могли служить точкой опоры въ случаѣ возстанія, назначеніемъ высшихъ административныхъ чиновниковъ, называемыхъ проноитами (*προνοίτης*—Sathas, Documents inédits II p. IV; Васильевскій, Совѣты, стр. 22), и уравниеніемъ въ политическихъ правахъ Грековъ съ Болгарами и на оборотъ, чѣмъ открытъ былъ просторъ для колонизаціи Болгаріи Греками. Весьма вѣроятно, что условія подчиненія Болгаріи были изложены въ документѣ, который былъ доступенъ Яхъѣ, но остался утраченнымъ для позднѣйшихъ греческихъ историковъ. На этомъ основаніи мы думаемъ, что каждое слово Яхъи заслуживаетъ вниманія и изученія. Темный намекъ на переѣзду въ отношеніяхъ Византіи къ Болгаріи слышится уже въ извѣстіи Кедрина о переложеніи довольно легкой натуральной по-

дати въ денежную, что вызвало недовольство и первое движеніе въ странѣ (Cedg. I 1. 530).

Мы далеко не исчерпали всего содержанія, даваемого лѣтописью Яхьи даже въ тѣсномъ кругѣ византійско-болгарскихъ отношеній. Такъ, нами не тронуты извѣстія его о войнѣ Святослава и Іоанна Цимисхія (прим. 143, стр. 177—185), и не тронуты только потому, что не находимъ здѣсь удобнымъ вдаваться въ провѣрку всей хронологіи царствованія Василия II. Эти извѣстія отличаются также особенностями, почерпнутыми, по всей вѣроятности, изъ хорошаго источника. „Яхья относитъ дунайскій походъ Цимисхія къ 971 году. Пять мѣсяцевъ этого года стояли египетскія войска предъ Антиохіей, и въ это самое время I. Цимисхій находился въ Болгаріи, воюя ее“ (б. Розенъ, стр. 182). Вниманію византинистовъ можно рекомендовать еще слѣдующее мѣсто, заслуживающее комментарія. Послѣ разказа о смерти Василия Яхья говоритъ о его преемникѣ (Извлеченія, стр. 69—70): „И отпустилъ онъ всѣхъ заключенныхъ въ темницы участниковъ возстанія Фоки и Ксифія, равно какъ другихъ преступниковъ. И роздалъ придворнымъ должности по разрядамъ ихъ и сложилъ съ обитателей Греческой земли недоимки и взимавшіяся съ нихъ доходы съ (тѣхъ) не обрабатываемыхъ царскихъ имѣній, которыя находились въ сосѣдствѣ каждой группы ихъ (обитателей земли Греческой), до тѣхъ поръ, пока они не будутъ опять обработаны“. Но по поводу этого мѣста нужно ждать дополнительныхъ объясненій отъ б. Розена. Такъ, было бы желательно знать, тѣсный или широкій смыслъ заключается въ арабскомъ текстѣ въ тѣхъ оборотахъ, которые переданы на русскомъ въ словахъ „по разрядамъ“ и „каждой группы“, и нельзя ли допустить другаго перевода, если отправляться изъ греческихъ словъ: „митрокомія“, „комитуря“ или славянскихъ: „община“ и „задруга“.

Переходимъ къ извѣстіямъ Яхьи о Руси.

Какъ извѣстно, въ послѣднее время вопросъ о крещеніи Руси и о походѣ Владиміра на Корсунь приобрѣлъ особую привлекательность, обратившую къ нему пытливое вниманіе ученыхъ самыхъ разныхъ специальностей. Новая и освѣжающая струя потекла въ эту отдаленную древность изъ двухъ, какъ оказалось, мало разработанныхъ источниковъ—изъ изученія византійскихъ и арабскихъ памятниковъ. На сколько мы понимаемъ современное положеніе этого вопроса съ точки зрѣнія новыхъ данныхъ, почерпнутыхъ изъ византійскихъ и арабскихъ источниковъ, теперь предстоитъ задача: а)

подвести итогъ арабскимъ извѣстіямъ, касающимся крещенія Руси при Владимірѣ; б) поставитъ въ связь эти извѣстія съ сохранившеюся византійскою традиціей, тщательно отмѣтивъ детальныя несогласія, ибо въ общемъ тѣ другія, какъ извѣстно, гораздо ближе между собою, чѣмъ къ русскому преданію; в) отдавать предпочтеніе восточной традиціи предъ византійскою, объясняя несогласія между ними въ томъ смыслѣ, что Арабы пользовались хорошимъ византійскимъ источникомъ, который пока нужно считать утраченнымъ. Попытаемся взглянуть съ этой стороны на сообщаемый Яхъей матеріалъ, такъ какъ говорить объ общемъ значеніи извѣстій Араба значило бы повторять ранѣе насъ сказанное профессоромъ Васильевскимъ (Русско-византійскіе отрывки, Журн. М. Н. Просв., апрѣль 1876; Варяго-Русская дружина, тамъ же ноябрь 1874), академикомъ Кунинкомъ (О запискѣ готскаго топарха, С.-Пб. 1874), и наконецъ, самимъ надателемъ Яхъи, барономъ Розеномъ (прим. стр. 194—198, 212—224).

Сопоставимъ сначала Яхъю и пользовавшагося имъ ал-Макина.

В. Розенъ, Извлеченіи, стр. 23—24.

И взбунтовался открыто Варда Фока и провозгласилъ себя царемъ въ среду, день правдника креста, 14 айлуля (сентября) 1298 (987), то-есть джумады 1 377 и ошладѣвъ страну Грековъ до Дорилей и до берега моря, и дошли войска его до Хрисополя. И стало опасно дѣло его и былъ имъ озбоченъ царь Василій по причинѣ силы его войскъ и побѣды его надъ нимъ. И истожились его богатства и побудила его нужда послать къ царю Русовъ—а они, его враги—чтобы просить ихъ помочь ему въ настоящемъ его положеніи. И согласился онъ на это. И заключили они между собою договоръ о свойствахъ и женился царь русовъ на сестрѣ царя Василія, послѣ того какъ онъ поставилъ ему условіе, чтобы онъ крестился и весь народъ его странъ, а они народъ великій. И не причисляли себя русы тогда ни къ какому закону и не признавали никакой вѣры. И послалъ къ нему царь Василій впоследствии митрополитовъ и епископовъ и они

Текстъ ал-Макина въ указанныхъ выше статьяхъ гг. Кумика и Васильевскаго.

И взбунтовался открыто Варда Фока и приглашалъ (людей) признавать его за царя во второмъ Джумада 377 года, и ошладѣвъ всѣми землями Руссъ (Грековъ) до берега моря.

И стало важнымъ дѣло его, и боялся его царь Василій боязнію великою.

И истожились богатства его, и побудила его нужда вступить въ переписку съ царемъ Русовъ; они же были его врагами; и онъ просилъ у него помощи. И царь Русовъ согласился на это, и просилъ свойства съ нимъ. И женился царь Русовъ на сестрѣ Василія, царя Грековъ, послѣ того какъ онъ (Василій) поставилъ условіемъ принятіе христіанства и отправилъ къ нему митрополитовъ, которые обратили въ христіанство его и весь народъ его владѣній. И не было у нихъ до этого времени религіознаго закона и не вѣровали они ни во что. И они—народъ великій, и съ этой по-

окрестили царя и всѣхъ, кого обнимал его земли, и отправилъ къ нему сестру свою, и она построила многія церкви въ странѣ русовъ. И когда было рѣшено между ними дѣло о брактѣ, прибыли войска Русовъ также и соединились съ войсками грековъ, которыя были у царя Василія, и отправились всѣ вмѣстѣ на борьбу съ Вардою Фокою моремъ и сушею въ Хрисополь. И побѣдили они Фоку и завладѣлъ царь Василій приморскою областію и захватилъ всѣ суда, которыя были въ рукахъ у Фоки. И уже послалъ царь Василій, послѣ того какъ войска Фоки расположились въ окрестностяхъ Константинополя и завладѣли областію востока, матистра Таронита моремъ въ Треспондъ.... И дошла до нихъ (то-есть на востокъ, дѣйствовалъ Таронитъ) въ эту пору вѣсть о побѣдѣ войскъ царя Василія надъ Фокою на морѣ въ Хрисополѣ.... И выступилъ царь Василій и брать его Константинъ со своими войсками и съ войсками Русовъ и столкнулся съ Вардою Фокою въ Авидосѣ—а это близко отъ берега Константинопольскаго—и побѣдили Фоку; и былъ онъ убитъ въ субботу 13 нисана (апрѣля) того же года, то-есть третьяго Мухаррема 379, и была голова его принесена въ Константинополь и тамъ выставлена. И была продолжительность его бунта одинъ годъ и семь мѣсяцевъ.

Б. Розенъ сравнилъ оба эти извѣстія и отмѣтилъ главнѣйшія отступленія. Кратко говоря, сравненіе обоихъ историковъ приводитъ къ слѣдующимъ выводамъ: Ал-Мавинъ сокращалъ Яхью, отбрасывая не только точныя и подробныя даты, но частію детали изложенія. Такъ онъ выпустилъ мѣстныя имена изъ разказа о движеніи Фоки; точно также выбросилъ мѣстныя имена въ повѣствованіи о побѣдѣ, одержанной надъ Фокою царемъ Василіемъ, что не выгодно отразилось на цѣломъ его разказѣ; ни словомъ не упомянулъ о посольствѣ Таронита на востокъ. Но независимо отъ этого, встрѣчаемъ у него неточность въ передачѣ смысла источника, отчего получается

ры всѣ они стали христіанами по сіе время.

И отправился царь Русовъ со всѣми войсками своими къ услугамъ царя Василія и соединился съ нимъ.

И они оба стоворились пойти на встрѣчу Вардѣ Фокѣ и отправились на него сушею и моремъ и обратили его въ бѣгство, и завладѣлъ Василій всѣмъ своимъ государствомъ.

и побѣдилъ Варду Фоку и убилъ его 8-го Мухаррема 379 года;

и была голова его принесена въ Константинополь и тамъ выставлена. И была продолжительность бунта его одинъ годъ и семь мѣсяцевъ.

спутанность въ преемственномъ и послѣдовательномъ развитіи отдѣльныхъ чертъ разказа: посылка митрополитовъ и сестры царя Василія, отмѣченная у Яхьи прибавкой „впослѣдствіи“ (значение этой прибавки хорошо понялъ б. Розенъ, стр. 196). Самое же главное отличие ал-Макина, это—прибавка такой черты, которой нѣтъ въ его источникѣ, и которая свидѣтельствуетъ о личномъ участіи князя Владиміра въ войнѣ Василія II съ Вардой Фокой. Это уже такое важное отступленіе, которое, если не считать его вмѣстѣ съ б. Розеномъ (примѣч. стр. 200) комбинаціей самого писателя, возбуждаетъ вопросъ о томъ, не пользовался ли ал-Макинъ еще и другимъ, кромѣ Яхьи, источникомъ.

Но намъ слѣдуетъ еще нѣсколько остановиться на выясненіи восточной традиціи. Впервыхъ, существуетъ турецкій переводъ ал-Макина, „въ которомъ“—пользуемся здѣсь словами б. Розена—, есть опять нѣсколько вариантовъ, указывающихъ на то, что рукопись, по которой Турокъ переводилъ, кое въ чемъ разнилась отъ другихъ списковъ ал-Макина“. Этотъ турецкій переводъ или, лучше сказать, изложеніе, повторяетъ указанную выше черту о походѣ самаго Владиміра въ Константинополь. „Затѣмъ царь Русовъ, собравъ большое войско, пришелъ, и соединившись съ Васиіемъ, они напали съ моря и съ суши на Варду Фоку и побѣдили Варду Фоку“ (б. Розенъ, стр. 199). Вовторыхъ, въ частностяхъ нѣсколько отличающуся, но въ общемъ сходную традицію сохранилъ Ибнъ-ал-Атиръ, жившій нѣсколько ранѣе ал-Макина (первый умеръ въ 1233, второй—въ 1273 году). У него о крещеніи Руси сообщается слѣдующее (б. Розенъ, стр. 201): „И перешелъ Вардисъ проливъ и осадилъ Константинополь. И были въ немъ два царя, сыновья Армануса, то-есть Васиій и Константинъ. И онъ притѣснилъ ихъ, и послали они тогда пословъ къ царю Русовъ и просили у него помощи и женили его на одной ихъ сестрѣ. И отказалась она отдать себя человѣку неодинаковой съ нею религіи, и припалъ онъ тогда христіанство. И было это началомъ христіанства у Русовъ. И женился онъ на ней и пошелъ на встрѣчу Вардису, и они сражались и воевали. И былъ убитъ Вардисъ, и оба царя утвердились въ своей власти“. Въ началѣ у него находится черта, которою не слѣдуетъ пренебрегать: Варда Фока на пути въ страны Грековъ успѣлъ склонить на свою сторону бедуиновъ и возбудилъ ихъ жадность обѣщаніемъ жалованья и добычи. Извѣстіе Ибнъ-ал-Атира, по нашему разумѣнію, не вполне оцѣнено ни б. Розеномъ, ни г. Васильевскимъ.

Возстановляя восточную традицію, мы не должны пренебрегать ни одною чертой уже, потому что каждая может пригодиться впоследствии, когда открытъ будетъ византійскій источникъ, а до того времени нельзя приступать къ выбору болѣе или менѣе правдоподобныхъ деталей. И такъ, основныя черты извѣстія этого писателя заключаются, при всѣхъ сходствахъ съ предыдущими, въ слѣдующихъ отступленіяхъ: Варда Фока, въ отрядѣ котораго были между прочимъ бедунны, держалъ Константинополь въ осадѣ, перешедши проливъ; съ этимъ хорошо вяжется и послѣдующее слово „притѣснилъ“. Довольно неясны въ изложеніи Яхъи и неточныя у ал-Макина извѣстія о ходѣ переговоровъ или вообще о послѣдовательности событій, касающихся женитьбы, послышки митрополитовъ и военной помощи, въ изложеніи Ибнъ-ал-Атира получаютъ новое освѣщеніе, если только допустить, совершенно впрочемъ необходимую и законную, поправку: не „женили его“, а обручили его, ибо иначе было бы не возможно ей „отказаться“ отъ брака. При этомъ находимъ такую весьма естественную зависимость событій, сближающую разказъ Ибнъ-ал-Атира съ повѣствованіемъ Яхъи. Политическій союзъ Византіи съ Русью сопровождался обрученіемъ, а послѣ того была женитьба, которая обуславливала крещеніе. Наконецъ, этотъ писатель, по всѣмъ вѣроятіямъ независимый отъ предыдущихъ, также утверждаетъ личное присутствіе князя Владиміра во время войны съ Вардой Фокой.

Соединяя отдѣльныя черты всѣхъ писателей, мы получимъ общій типъ восточной традиціи о крещеніи Руси. Этотъ типъ характеризуется слѣдующими признаками:

1) Поставленный въ безвыходное положеніе возстаніемъ и военными успѣхами Варды Фоки (= осадившаго Константинополь по ал-Атиру), Византійскій императоръ нашелся вынужденнымъ обратиться за помощію къ Русскимъ.

2) Русскіе были во враждѣ съ Византіей. — Это извѣстіе находится у тѣхъ писателей, которые сообщаютъ рапѣе нѣкоторыя подробности о византійско-болгарскихъ отношеніяхъ (Яхъи и ал-Макинъ). Слѣдовательно, по нашему мнѣнію, здѣсь находится подтвержденіе тому, что Владиміръ участвовалъ въ греко-болгарской войнѣ 986 года.

3) Переговоры о военной помощи повели къ договору о свойствахъ.

4) Но осуществленіе одной части договора встрѣтило препятствія, о которыхъ даетъ понятъ выраженіе Яхъи: „послѣ того какъ онъ поста-

вилъ ему условіе" и „впослѣдствіи“, а равно фраза ал-Атира: „но она отказалась“.

5) Бракъ греческой царевны съ Русскимъ княземъ послѣдовалъ за крещеніемъ этого послѣдняго.

6) Военная помощь оказана „когда было рѣшено дѣло о бракѣ“ (Яхъя), или что то же: „женился онъ на ней и пошелъ на встрѣчу Вардѣ“ (ал-Атиръ).

7) Князь Владиміръ лично участвовалъ въ походѣ (Яхъя этого не отрицаетъ, другіе же категорически утверждаютъ).

8) Варда Фока пораженъ былъ союзными войсками въ двухъ сраженіяхъ при Хрисополѣ и Абидосѣ (Яхъя).

Довольно слабыя опоры находимъ лишь для оправданія 5-го и 6-го положенія, которыя естественно должны лучше выясниться на основаніи либо византійскаго, либо русскаго преданія. Но въ другихъ отношеніяхъ арабская традиція имѣетъ на своей сторонѣ значительную степень правдоподобности, а главное—послѣдовательности и соотвѣтствія между частями. Само собою напрашивается еще замѣчаніе, что личный походъ въ Константинополь князя Владиміра, утверждаемый Арабами, не предполагаетъ необходимо участія его въ обоихъ сраженіяхъ съ Вардой Фокой и, слѣдовательно, не стоитъ въ неразрывной связи съ общимъ вопросомъ о военной помощи.

Легкое дополненіе къ арабской традиціи представляетъ извѣстіе армянскаго историка Асохика, относящееся къ 1000 году. Асохикъ разказываетъ здѣсь случай, имѣвшій мѣсто въ византійскомъ отрядѣ, бывшемъ тогда въ Арменіи: „Изъ пѣхотлага отряда Рузовъ какой-то воинъ несъ сѣно для своей лошади. Подошелъ къ нему одинъ изъ Иверійцевъ (Грузинъ) и отнял у него сѣно. Тогда прибѣжалъ на помощь къ Рузу другой Рузь. Иверіецъ кликнулъ къ своимъ, которые прибѣжавъ убили перваго Руза. Тогда весь народъ Рузовъ, бывший тамъ, поднялся на бой: ихъ было 6000 человекъ и ѣшикъ, вооруженныхъ копьями и щитами, которыхъ просилъ царь Василій у царя Рузовъ въ то время, когда онъ выдалъ сестру свою замужъ за послѣдняго. Въ это же самое время Рузы увѣровали во Христа“ (Васильевскій, Варяго-Русская дружина, I, 125). Свидѣтельство Асохика въ сущности даетъ дополненіе къ 3-му пункту арабской традиціи. Шеститысячный русскій корпусъ можетъ быть разсматриваемъ независимо отъ крещенія Руси, то-есть, онъ могъ быть посланъ прежде, чѣмъ осуществлены были другія статьи византійско-русскаго договора. Иначе говоря, князь Владиміръ могъ быть

подъ Константинополемъ не вслѣдствіе просьбы о помощи, а по другимъ причинамъ и нѣсколько позже (рекомендуемъ остроумный анализъ мѣста Яхъи у б. Розена, стр. 197—198).

Вторая задача критики должна направляться къ сличенію арабской традиціи съ византійскою. Эта задача была уже поставлена прежде насъ, и для рѣшенія ея мы можемъ воспользоваться готовыми матеріалами, собранными г. Васильевскимъ и б. Розеномъ. Византійскій взглядъ на занимающія насъ событія несомнѣнно утраченъ. То, что сохранилось, не выдерживаетъ сравненія съ послѣдовательною, относительно полною и опирающеюся на хронологию восточною традиціей. Общій взглядъ на отрывочныя и случайныя византійскія извѣстія даетъ В. Г. Васильевскій: „Самая важная особенность арабскихъ разказовъ, въ сравненіи съ извѣстными доселѣ византійскими, состоитъ въ томъ, что они прямо и рѣшительно ставятъ обращеніе Русскаго князя въ христіанство, или точнѣе, его крещеніе, въ связь съ политическими событіями времени. Византійцы говорятъ только о помощи, оказанной Русскими въ самую критическую минуту, о прибытіи на помощь Василю русскаго союзнаго корпуса; только мимоходомъ и буквально въ скобкахъ сообщаютъ они о заключеніи брачнаго союза между Кіевскимъ княземъ и Византійскимъ императорскимъ домою; о крещеніи же Владиміра они всѣ умалчиваютъ. Левъ Діаконъ, современникъ событій, и Пселль, другой самостоятельный писатель, проходятъ молчаніемъ самый брачный договоръ“. Словомъ, Арабы лучше знаютъ спеціальныя вопросы русскою исторіи, чѣмъ Византійцы. Но попытаемся собрать отдѣльныя черты византійскихъ извѣстій.

На первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить Пселла. Онъ даетъ подробныя свѣдѣнія о возмущеніи Склира и Фоки, при чемъ нѣкоторыми чертами подтверждаетъ арабскую традицію, почти сближаясь съ взглядомъ ал-Атира (см. выше пунктъ 1-й восточной традиціи): οἱ μὲν οὖν τάξει καὶ παρεμβολαῖς ἐπακοίθεσαν, καὶ μέχρι τῆς Προποντίδος καὶ τῶν παραλίων ἐν ταύτῃ χωρίων κατελήλυθεσαν, ἐπ' ἀσφαλοῦς τοὺς χάρακας θέμενοι, καὶ μονονοῦ ὑπεράλλεσθαι καὶ αὐτὴν ἐπιχειροῦντες τὴν θάλασσαν. Sathas, Bibl. Graeca. IV. p. 10. Но вслѣдъ за этими словами идущее извѣстіе о Руси далеко не отличается ни точностью, ни подробностью: „Императоръ Василій убѣдился въ нерасположеніи къ нему Грековъ, и такъ какъ незадолго предъ тѣмъ къ нему пришелъ отъ Тавроскиевовъ значительный военный отрядъ, то онъ, соединивъ ихъ и устроивъ другую наемную силу, выславъ ихъ

противу расположенной на другой сторонѣ фаланги“. Это значитъ, что Пселлъ выпустилъ все содержаніе арабской традиціи и ограничился передачей только послѣдняго пункта изъ нея, и то съ опущеніемъ мѣстныхъ именъ.

Въ вопросѣ о пораженіи Фоки, согласно съ Арабами, онъ различаетъ два момента—сраженіе при Хрисополѣ и Абидосѣ; въ томъ и другомъ можно предполагать участіе Русскихъ. Другой греческій писатель Кедринъ (ed. Bonn., II, p. 444) сообщаетъ не безынтересныя свѣдѣнія о расположеніи войскъ Варды Фоки: одна часть подъ начальствомъ Дельфинны стояла у Хрисополя, другая подъ личнымъ начальствомъ Фоки—въ Абидосѣ: τὸ δὲ λαλὸν ἄπαν τῆς στρατιᾶς ἄγων μὲν ἑατοῦ κατεσιν εἰς Ἄβιδον, ἑλπίσας οὕτω κατεχομένων τῶν στενῶν πεπεσμένουσ ἐνδεῖα κασασθήσεσθαι τοὺς πολίτας—мѣсто особенно важное для объясненія двойной битвы. Но самое свидѣтельство о Русскихъ только одною чертой, и притомъ отмѣченною мимоходомъ, отличается отъ приведеннаго мѣста Пселла. „Императоръ.. приготовилъ ночью корабли и посадилъ на нихъ Русь (ибо ему удалось призвать изъ нихъ союзную силу и сдѣлать зятемъ князя ихъ Владиміра по сестрѣ своей Аннѣ); переправившись съ ними, онъ неожиданно нападаетъ на враговъ и легко захватываетъ въ свои руки“. Далѣе описывается отдѣльное сраженіе съ Фоккой, въ которомъ участвовали оба брата, Василій и Константинъ, но съ опущеніемъ находящагося у Пселла, намекъ на присутствіе Русскихъ.

Третій историкъ, Зонара, уже ни одной новой черты не прибавляетъ къ свидѣтельствамъ первыхъ двухъ (Zonaras, ed. Dindorf II, p. 114): „Фока, вручивъ часть войска патрицію Дельфинѣ, посылаетъ его въ Хрисополь, что противъ столицы; самъ же съ остальною силой пришелъ къ Абидосу. На Дельфину, расположившагося въ Хрисополѣ, неожиданно напалъ царь съ Русскими народомъ, потому что онъ, устроивъ родственныи союзъ съ килземъ ихъ Владиміромъ чрезъ сестру свою Анну, получилъ оттуда вспомогательный военный отрядъ, и легко одержалъ верхъ... Потомъ идетъ къ Абидосу съ братомъ Константиномъ“. Совершенно отдѣльно стоитъ глава Льва Діакона (ed. Bonn. p. 173), близкая къ извѣстію ал-Атира по описанію осаднаго положенія столицы: ἐφρούρει τὸν τοῦ Ἑλλησπόντου πορθμόν.

Легко замѣтить, какъ бѣдны византійскія извѣстія сравнительно съ восточными. Собственно говоря, здѣсь излишне было бы говорить о традиціи, которой нѣтъ. Возвращаясь къ основнымъ положеніямъ

восточнаго взгляда, мы можемъ сказать, что Византіицы не передаютъ съ удовлетворительною полнотою ни одной черты, за исключеніемъ означенной подъ пунктомъ 8-мъ, и только частію затронули еще двѣ черты (пункты 1-й и 3-й), лишивъ ихъ однако того освѣщенія и исторической обстановки, въ которой онѣ являются у Арабовъ. Хотя недостатки византіискихъ извѣстій слишкомъ очевидны, тѣмъ не менѣе не бесполезно будетъ формулировать ихъ.

1) Византіицы тщательно избѣгаютъ намековъ на стѣснительное положеніе, въ которое былъ поставленъ царь Василій. Только одна фраза — τῆς τῶν Ῥωμαίων ἀνυπομονῆς κατεγυμνάς—выдаетъ Пселла и позволяетъ думать, что онъ имѣлъ основаніе, если бы захотѣлъ, сказать съ Ихъей: „И стало опасно дѣло его... и побудила его нужда“ и проч. Освобождая своихъ читателей отъ не совсѣмъ пріятныхъ воспоминаній, которыя однако могутъ быть возстановлены на извѣстной новеллѣ Василя II и по свидѣтельству Льва Діакона (Васильевскій, 118), византіискіе писатели уже легко могли пропустить и вынужденное политическою необходимостью посольство къ Русскимъ. Вслѣдствіе того

2) не было необходимости говорить о враждебныхъ отношеніяхъ Руси къ Византіи;

3) не было нужды говорить о переговорахъ: это было бы равносильно искательству, а писатели передаютъ такой взглядъ, яко бы вспомогательный отрядъ изъ Руси пришелъ случайно или самъ собой.

4) Такъ какъ устраненъ элементъ просьбы, обращенной къ князю Владиміру, то оказались излишни подробности о томъ, съ какими препятствіями соединено было исполненіе заключеннаго между Русью и Византіей договора.

5) О бракѣ Владиміра говорятъ мимоходомъ, соединяя эту статью съ дѣйствіями вспомогательнаго отряда. Этимъ мимоходнымъ замѣчаніемъ Византіицы передаютъ черты арабской традиціи въ пунктахъ 3-мъ, 5-мъ, 6-мъ и 8-мъ. Никто изъ Византіицевъ не ставитъ брачный союзъ въ связь съ крещеніемъ, о послѣднемъ хранится молчаніе.

6) Не объясняется, была ли связь между посылкой вспомогательнаго отряда и брачнымъ союзомъ.

7) Ни одинъ изъ приведенныхъ писателей не говоритъ о походѣ князя Владиміра въ Константинополь и о личномъ его участіи въ войнѣ съ Вардой Фокой. Хотя мы лично глубоко увѣрены въ справедливости на этотъ счетъ арабскаго воззрѣнія и, слѣдовательно,

должны бы были съ благодарностью послѣдовать за В. Г. Васильевскимъ (Русско-византійскіе отрывки II, стр. 150—151), усматривающимъ указаніе на личное присутствіе князя Владиміра въ текстѣ Пселла (Λοῦζα ἀξιόμαχος) и въ латинскомъ переводѣ Скилицы, тѣмъ не менѣе, считая эти мѣста не совсѣмъ убѣдительными, удерживаемъ за собою сдѣланный выше выводъ, что Греки не говорятъ объ участіи Владиміра въ войнѣ съ Вардой Фокой.

8) Относительно двойной битвы при Хрисополѣ и Абидосѣ совпадаютъ арабскія и византійскія извѣстія.

Само собою разумѣется, уже сами по себѣ поучительны умолчанія византійскихъ писателей. Нѣкоторыя изъ этихъ умолчаній легко объясняются политическими соображеніями, патріотизмомъ, или же наконецъ, просто побужденіями послѣдовательности: выпущенъ исходный моментъ, становятся не нужны и ближайшіе выводы. Но этимъ путемъ нельзя объяснить умолчаній по двумъ очень важнымъ вопросамъ: о крещеніи Руси и участіи Владиміра въ войнѣ. Если можно разсуждать о томъ, что позднѣйшіе историки утратили память объ этихъ событіяхъ и не позаботились справиться съ хорошими источниками, которые, напримѣръ, были доступны Яхъѣ, то никакъ нельзя того же сказать о Левѣ Діаконѣ, написавшемъ, между прочимъ, главу о возмущеніи Варды Фоки. Мы видѣли, что и арабскія, и византійскія извѣстія говорятъ о Руси именно по связи съ этимъ вопросомъ; слѣдовательно, у ближайшаго современника и жителя Константинополя, который притомъ же не имѣетъ себѣ равнаго по знакомству съ Русью, мы тѣмъ болѣе имѣли бы основаній встрѣтить нужными намъ данныя. Но Левъ Діаконъ (р. 173—174) въ главѣ о двойной побѣдѣ надъ Вардой Фокой нашелъ возможнымъ воиолнѣ устранить вопросъ объ услугахъ, оказанныхъ русскимъ княземъ, а слѣдовательно о крещеніи и о прочемъ. Какъ будто Византія устыдилась того, что просвѣтила Россію христіанствомъ, будто для духовнаго лица не могло составлять удовольствія говорить о широкихъ завоеваніяхъ, сдѣланныхъ христіанскою вѣрой! Умолчаніи Льва Діакона болѣе знаменательны, чѣмъ сокращенія у другихъ писателей. Объясненіе этому нужно искать, однако, у него же.

Совершенно справедливо оказано б. Розеномъ вниманіе находящимся у Яхъи (Излеченія, стр. 26, 28—29, и примѣч. стр. 214 и слѣд.) извѣстіямъ о знаменіяхъ и бѣдствіяхъ, случившихся въ 989 году, которымъ посвящена также глава и у Льва Діакона. Разборомъ извѣстій о знаменіяхъ занимался и профессоръ Васильевскій въ статьѣ

объ ал-Макинѣ. Важность этихъ извѣстій усматривается изъ слѣдующаго: Левъ Діаконъ (р. 175) говоритъ, что эти знаменія были предвѣстниками страшныхъ бѣдствій, и между прочимъ огненные столбы предсказывали послѣдовавшее затѣмъ взятіе Корсуни Русскими и Веррн Болгарами, то-есть, Левъ Діаконъ даетъ хронологическую опору для одного событія, составляющаго камень преткновения и соблазна для русскихъ историковъ. Арабы (Яхъя и ал-Макинъ) и на этотъ разъ послужили русской исторіи, обозначивъ время знаменій и бѣдствій. Профессору Васильевскому удалось доказать, что Корсунъ взята позже апрѣля 989 г., баронъ Розенъ нашелъ возможнымъ расширить хронологическіе выводы: огненные столбы были видны 7-го апрѣля, но 27-го іюля показалась комета; первые съ точки зрѣнія византійскаго историка предвѣщали нашествіе Русскихъ на Корсунъ, вторая—землетрясеніе 25-го октября. Совершенно законный выводъ, что первое бѣдствіе послѣдовало ранѣе появленія кометы, то-есть, взятіе Корсуни Русскими случилось раньше 27-го іюля, приблизительно въ іюнѣ или въ началѣ іюля. Нѣтъ сомнѣнія, что такой выводъ влечетъ за собою важныя послѣдствія въ примѣненіи къ сказанію о корсунскомъ походѣ въ русской лѣтописи и къ обстоятельствамъ крещенія князя Владиміра. Но этого мы не будемъ касаться.

Наши изслѣдователи не взвѣсили вытекающихъ отсюда послѣдствій для критики византійскаго взгляда на событія 989 года. Возвращаясь къ умолчаніямъ Льва Діакона о Руси въ главѣ, описывающей войну съ Вардой Фокой, напомнимъ, что всѣ другіе византійскіе писатели именно по поводу дѣла съ Вардой Фокой упоминаютъ о русскомъ вспомогательномъ отрядѣ. При этомъ замѣчается небольшая странность, можетъ быть, имѣющая однако основанія. Болѣе компетентный писатель Михайлъ Пселлъ не считаетъ нужнымъ говорить, упоминая о русскомъ отрядѣ, о бракѣ князя Владиміра и царицы Анны; болѣе же поздніе и менѣе авторитетные относительно X вѣка — дѣлаютъ объ этомъ мимоходное замѣчаніе, въ скобкахъ прибавляя интересующую насъ фразу. Если фраза обронена мимоходомъ—а въ этомъ нельзя сомнѣваться,—то ей можетъ быть не тутъ надлежащее мѣсто. Благодаря точнымъ хронологическимъ указаніямъ арабскихъ писателей, дѣйствія русскаго вспомогательнаго отряда приурочиваются—послѣднее 13-го апрѣля 989 г. (побѣда надъ Фокой при Абидосѣ), первое (дѣло съ Дельфиной при Хрисополѣ) даже къ лѣту 988 г., и во всякомъ случаѣ между первымъ и вторымъ сраже-

ніемъ оказывается промежутокъ въ нѣсколько мѣсяцевъ. Далѣе, то обстоятельство, что ни одинъ изъ греческихъ историковъ, за исключеніемъ Льва Діакона, не говоритъ о вѣзятіи Русскими Корсуни, не можетъ въ глазахъ историка не имѣть значенія въ критикѣ византійскаго взгляда на крещеніе Руси. А можетъ быть, у Иселла, Скилицы-Кедрина и Зонары именно потому и оказался печальный пропускъ двухъ извѣстій — о крещеніи Руси и походѣ Владиміра въ Константинополь, что у нихъ же нѣтъ исходнаго момента для этихъ извѣстій — вѣзятія Корсуни? Въ приложеніи къ Льву Діакону можно формулировать нашъ выводъ съ большею точностью: не потому онъ не говоритъ о Русскихъ въ главѣ о возмущеніи Варды Фоки, что желалъ или находилъ нужнымъ умолчать объ этомъ, а потому, что за послѣдкой вспомогательнаго отряда въ дѣйствительности не послѣдовало еще ни брачнаго союза, ни крещенія Руси: то и другое стояло въ связи и было послѣдствіемъ похода на Корсунь, сопровождавшагося также другими важными послѣдствіями (и между прочимъ, походомъ Владиміра на Константинополь). Въ дальнѣйшихъ выводахъ византійскій взглядъ ведетъ къ различенію двухъ группъ событій: политическій союзъ Византіи съ Русью, и присылка вспомогательнаго отряда (центральный пунктъ — возмущеніе Варды Фоки); брачный союзъ и крещеніе (центральный пунктъ — вѣзятіе Корсуни).

Рядъ событій изъ послѣдней группы оттого и остался не выясненнымъ въ сохранившихся лѣтописяхъ, что въ нихъ пропущенъ Корсунскій походъ. А если это такъ, то за дополненіями къ византійской традиціи нужно обратиться къ русскимъ источникамъ, часть которыхъ дѣйствительно придаетъ походу на Корсунь перво-степенное значеніе въ дѣлѣ обращенія великаго князя Владиміра. Нѣтъ сомнѣній, что между русскими источниками окажутся и такіе, которые представляютъ собою отголосокъ арабско-византійской традиціи, иначе говоря — переводъ съ утраченнаго греческаго извѣстія. Таково, на примѣръ, слѣдующее, очевидно, переводное произведеніе:

„И въ днѣхъ царства ея (Константина и Василія) и абіе сиде Владиміръ князь Русскій съ всею силою своею великою дажде и до самаго Царяграда съ враждою идый на царство греческое. Мановеніемъ божіимъ и благодатію Святаго Духа везапу прѣложися отъ звѣринаго нрава на смиреніе божественное и бысть агни Христова въ мѣсто волка. И тако сіи приимъ святое крещеніе и евангеліе Христова. И нарече ими ему царь

на святомъ крещеніи Василен^а (А. Попова, Историко-литературный обзоръ древне-русскихъ полемическихъ сочиненій противъ Латиняцъ. Москва, 1875; на это мѣсто обращено вниманіе у г. Васильевскаго, стр. 152). Арабская традиція должна будетъ потерпѣть несущественныя измѣненія, которыя заключаются въ слѣдующемъ:

1) Нужно остановиться на болѣе точномъ показаніи Яхъи, что князя Владиміра не было, когда русскій вспомогательный отрядъ дѣйствовалъ противъ Варды Фоки, но что походъ его на Константинополь имѣлъ мѣсто послѣ апрѣля, именно въ іюнѣ или іюль 989 г.

2) Нужно признать, что арабскіе писатели имѣли хорошія свѣдѣнія о занимающемъ насъ вопросѣ, которыя и позволили имъ отмѣтить разность между двумя рядами событій, наблюдаемую и въ извѣстіяхъ Византійцевъ. Но такъ какъ источникъ, изъ котораго черпалъ ближайшій къ событіямъ Яхъи, заключался или въ похвальномъ словѣ, или въ другомъ ораторскомъ произведеніи, то и Яхъѣ легко было бы не совѣмъ точно передать эту разность. Такимъ образомъ не тогда была оказана военная помощь, когда было рѣшено дѣло о бракѣ, а бракъ и крещеніе послѣдовали за прибытіемъ князя Владиміра въ Константинополь, когда была оказана другая помощь, имѣющая отношеніе уже къ послѣдующему. О взятіи Корсуни Арабы не знаютъ.

Само собою разумѣется, все это ждетъ еще подтвержденія свѣдѣтельствомъ современными. Но пока его нѣтъ, все же, по нашему мнѣнію, результаты арабско-византійской традиціи могутъ служить болѣе твердою опорой для выясненія византійско-русскихъ отрывеній въ 986—989 году, чѣмъ русское преданіе, не приведенное съ ними въ связь.

Въ заключеніе не можемъ не порадоваться за счастливую мысль барона В. Р. Розена—посвятить свои знанія разработкѣ тѣхъ вопросовъ, которые такъ дороги и такъ важны для русской науки. Изданіе отрывковъ Яхъи должно возбудить въ византинистахъ и славистахъ новыя чаянія и надежды. Не все еще утраченное Византіяцами можетъ считаться безвозвратно потеряннымъ для славянской и русской науки, если на помощь къ ней придутъ такіе ученые оріенталисты, какъ баронъ Розенъ. Труды, подобныя представленному имъ, имѣютъ свойство — возбуждать духъ изслѣдованія и пытливости, оживлять науку и поддерживать интересъ къ вопросамъ, которые многими почитаются поконченными и сданными въ архивъ.

Ф. Успенскій.